

МОНИКА ИЗАБЕЛЛА ЗЕЛИНЬСКА
Варшавский университет

ВОПРОС СВЕТА И ТЬМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. КУЧЕРСКОЙ

Light and Darkness in Literary Works by M. Kucherskaya

The analysis of the issues of light and darkness in literary works by M. Kucherskaya was conducted on the basis of her novel *God of Rain* (2007). The writer presents the history of conversion of the main character, Ania, an MGU student, to Orthodox religion. The action takes places in mid 1980s - late 1990s. On her way to God, the character experiences sufferings and balances between the light of belief and the darkness of sin, i.e. her love to a clergyman, father Antonij. Kucherskaya applies different meanings of the word 'light': in some cases she refers to natural lights that acquires symbolic meaning while in others she means internal light that brightens the darkness of the character's soul (most frequently, the writer refers to symbolic meanings of light from the New Testament). The character experiences the light of belief; Ania begins to feel the presence of Jesus Christ in her heart. Unfortunately, in the course of time, the light is being replaced with the light of love for Father Antonij, a man both physically and psychologically weak. However, regardless of the sinful feeling towards the clergyman, the seed of belief sprouts and develops in the character's soul.

Keywords: light, darkness, sins, baptism, bowl, wood, faith.

Религиозное возрождение, которое началось в России в середине восьмидесятых годов и продолжается по сей день (Нефвгина 1998, 44-55, Łuźny 1986, 45-56, Supra 2006, Zielińska 2010, 226-255, Колядич 2010, 200-221), принесло произведения таких писателей, как например Анатолий Ким (*Отец-Лес*, 1989) или Петр Алешковский (*Жизнеописание Хорька*, 1993). Сегодня можно говорить о богатом и все развивающемся религиозном направлении (А. Варла-

мов, Ю. Вознесенская, Дм. Бавильской, В. Шаров, С. Самсонов и др. Колядич 2010, 200-214). Стоит подчеркнуть, что религиозные мотивы появлялись в литературных произведениях уже раньше, даже в советский период, являясь закодированными сигналами скрытой религиозности: примером может здесь послужить произведение Виктора Астафьева *Царь-рыба* (1976) (Ягсо 1997, 255-264).

В рамках религиозного направления современной русской прозы помещается творчество Майи Кучерской, родившейся в 1970 году, критика (как критик публикуется с 1990-х гг.), прозаика (первые журнальные публикации – конец 90-х годов, преподавателя Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики (Кучерская – заместитель заведующего кафедрой словесности, <http://www/ozon/...>). Майя Кучерская – автор таких произведений, как например: *История одного знакомства* (1998), *Пасхальные рассказы* (1998), *Современный патерик: чтение для впавших в уныние* (2005), *Бог дождя* (2007), *Тетьа Мотя* (2012) и др.

Предметом анализа в настоящей статье будет роман *Бог дождя* с точки зрения разных значений света и тьмы. Роман является переработанной версией повести *История одного знакомства*, опубликованной в журнале «Волга» в 1998 году.

В романе *Бог дождя* Майя Кучерская рассказывает историю воцерковления студентки Ани (она учится на романо-германском отделении филфака МГУ). Действие происходит во второй половине восьмидесятых годов и продолжается несколько лет – до девяностых годов (упоминаются самиздатовские издания, спустя некоторое время в книжных магазинах можно уже купить книги раньше запрещенных авторов). Путь героини к Богу тяжел, тернист, полон сомнений, тупиков и пустырей; это постоянное балансирование между светом веры и тьмой грехов. Этот путь осложняет вполне земная

любовь в духовнику, отцу Антонию, любовь, не имеющая ничего общего с любовью духовной, с любовью ближнего.

Почему двадцатилетняя Аня, успешная и усердная студентка, которая учится с энтузиазмом (факультет и отделение она выбрала осознанно), окруженная друзьями, участвующая в студенческой жизни, проживающая в счастливой семье, вдруг ощущает внутреннюю пустоту, «вселенную усталость» (Кучерская, 7), бессмысленность жизни, Кучерская не объясняет, вероятно исходя из предпосылки, что Бог зовет человека к Себе разными путями, не всегда нам понятными. Осознание того, что ни чтение латинских и немецких классиков, ни участие в лекциях и семинарах, ни «снегопад учености» (Кучерская, 7) (в ее комнате на длинных нитках висят бумажные квадратики, на которых написаны новые и немецкие слова) не доведут ее даже на грань круга аристократии духа, не кажется убедительной с психологической точки зрения причиной переживаемого героиней кризиса. Молодая девушка не видит другого чем смерть выхода из своей ситуации. Своеобразной метафорой ее состояния является короткое описание езды на дачу:

Она успевает. Втискивается в ближайший вагон, он забит, пятница, вечер, последние предзимние работы, закутанный, толстый от одежды народ. Духота. [...] Проходит через дымные облачка тамбуров, сквозь скопившихся в них мужиков, запах пота и перегара. [...] дома исчезают, начинаются пустыри, тянется бетонный забор. (Кучерская, 7)

Безнадежное настроение Ани усиливает неожиданное известие о смерти любимого профессора – это последняя капля горя, которая переполняет чашу и утверждает в правильности решения: она должна умереть ночью (о самоубийстве она думала уже раньше). Душевная тьма, хотя пока это слово не употребляется в тексте, овладевает ее душой. Но на даче с Аней происходит что-то неожиданное,

таинственное, пока непонятное, благодаря чему она делает первый шаг к Богу.

Следует заметить, что Кучерская разыгрывает разные значения существительного *свет*: это вполне естественный свет, физическое явление, которое однако иногда приобретает значение символическое; свет это также символ Христа. Писательница чаще всего обращается к значениям слова *свет*, употребляемого в Новом завете, где свет символизирует Бога и Слово Божие (Forstner 1990, 92-97).

На даче Аня впервые в своей жизни «на грани исчезновения и утраты сознания, в страшном напряжении» (Кучерская, 8), в ожидании смерти обращается за помощью к Богу. Когда героиня просыпается утром, чувствует, что что-то случилось, видит краешек неба, светящийся над головой – он светит коротко («Именно теперь внутренним, внезапно раскрывшимся зрением Аня разглядела далекий краешек неба, пусть недостижимого, но неизменно, но всегда [...] светившийся над ее головой», (Кучерская, 8)), быстро исчезает, но героиня чувствует себя гораздо лучше, уже не думает о смерти, ощущает чье-то присутствие, присутствию того, «кто будет ее любить, вытрет слезы, когда тяжело и никогда не оставит ее одной».

Дальнейшие этапы пути Ани к Христу и Свету это чтение книги архимандрита Киприана, который как будто знает все про ее страдание, тоску и ночь на даче, а также пробуждение, внимательное чтение Евангелия (ее однокурсник и друг Глеб давно уже уговаривал ее читать Евангелие и участвовать в службах). Аня случайно открывает Евангелие от Матвея на словах Христа, говорящего ученикам, что Он будет с ними до скончания века. Эти слова ее осветили, она окончательно поняла, что все, что говорил Христос, не было против человека, а за него.

Особо важным событием в жизни героини является крещение в Покровской церкви. Автор сигнализирует выход Ани из пространства тьмы и переход к свету, противопоставляя сцену дороги героини в церковь – шла туда сквозь утренний сумрак, сцене крещения: «когда стали ходить вокруг чаши, в комнате [в крестильне – М. З.] стало светлее; наконец-то рассвело, подумала Аня, но вдруг догадалась, что свет разросся не в комнате, а в ней» (Кучерская, 14). В ее душу вливается свет, чувствует, что «светоносный покров накинули и плотно закутали им сердце» (Кучерская, 14), а «светлый дух, поселившийся в ее сердце во время крещения, не оставлял ее», будто «непонятная светлая сила ее схватила» (Кучерская, 15). Некоторое время Аня живет как в сладком сне «вдыхая эту не слабеющую радость, ликование, созерцая внутренним взором сияние небесного мира» (Кучерская, 15). Первая в жизни исповедь разжигает в ней внутренний огонь, жар, который жил в ней до вечера. Чтение аввы Дорофея поддерживает горевшее в душе пламя любви к Христу, его слова, что в «чистоте обитают великий свет, и радость, и мир, и терпение; а в блуде обитают печаль, уныние [...] и густая тьма» (Кучерская, 12) попадают прямо в ее сердце. Ане кажется, что она «скользит по светлой воде» (Кучерская, 17).

Героиня пока еще скользит по светлой воде любви к Христу, а не погружается полностью в этой любви, потому что ее воцерковление только начинается, одно – сделать шаг и переступить порог, другое – не бросить начатого дела, противостоять грешным искушениям, научиться понимать фальшь иллюзорных ценностей и не падать в зависимость от них.

Аня регулярно участвует в службах, молится, но жизнь «церковная» не может полностью заменить личной, светской жизни, как это случилось с героиней. Она попадает в опасную зависимость от

отца Антония, не умеет уже жить без разговоров с ним, все время думает, о чем спросит его, когда встретятся, даже мысленно сочиняет своеобразные драматические этюды – сценарии разговоров с ним, которые записывает в дневнике. В начале их знакомства героиня видит в батюшке идеал священника, духовного наставника, который знает, куда ее ведет, знает цель ее духовного путешествия, воспринимает почти как святого – без советов и поддержки со стороны отца Антония не умеет уже принять самостоятельного решения. Под его влиянием Аня разрывает отношения с Алешей, хотя этот молодой человек ей очень нравится, потому что отец Антоний был против незаконной, то есть грешной связи. Постепенно героиня влюбляется в своего наставника, начинает видеть в нем не священника, а привлекательного мужчину. Встречи и разговоры с ним тоже разжигают в ее сердце внутренний свет. Вопрос лишь – это свет веры и любви к Христу или свет любви к мужчине? Когда отец Антоний хвалит ее, что отказалась от похода с друзьями на байдарках (когда просила благословения перед походом, тот не согласился), Аня записывает в дневнике, что только отец Антоний различал невидимую цель, к которой ее ведет, что после его слов «Слава Богу, что не поехала. Слава Богу!» (Кучерская, 27) почувствовала, что «свет хлынул потоком» (Кучерская, 27).

Но независимо от заблуждений героини, несмотря на ее увлечение отцом Антонием, грешное чувство к монаху, в сердце Ани прорастает зерно веры. В конце года, который был для нее «переходным», она ощущает радость, что кончились муки рождения:

Хлынул свет, ангелы запели. [...] свет светил во тьме, сквозь мельтешение и суету проступила суть. Предметы светились изнутри. Все чаще Аню охватывал восторг, сумасшедшая какая-то радость, хотелось петь на всю квартиру, кричать на всю улицу, рассказать всем. Ты еси источник живота! Господь мой и Бог мой! Приступите к Нему и просветитесь (Кучерская, 27).

Кучерская обращается здесь к тексту Евангелия от Иоанна, к словам Христа: «Я свет миру; кто последует за мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (И, 8, 12). Аня почти физически ощущает присутствие Бога в своей жизни – автор показывает это в эпизоде пути героини в Оптину обитель по снежному и сумеречному лесу: «ей казалось, что она шагает, окруженная невидимым светлым столбом защиты, что Господь – вот Он рядышком, над головой» (Кучерская, 32).

Кстати, монастырская жизнь кажется Ане открытием, новым увлекательным опытом. Она начинает мечтать о такой жизни, так как в монастыре жизнь – на первый взгляд – лишена проблем и искушений, проще и спокойнее: «в монастыре время течет медленно, густо, насквозь просвеченное любовным и внимательным взглядом Сотворившего вся, окутанное облаком фаворского света» (Кучерская, 34). Однако мечта Ани о монастырской жизни не сбывается, оказывается кратковременной фантазией, поскольку... там не будет отца Антония, присутствие которого ей необходимо как воздух.

Увлечение Ани духовным наставником, человеком слабым, в физическом и психическом смысле, грешным (довольно часто выпивает; героиня случайно узнает, что отец Антоний влюбился в ее знакомую – Петру), бывшим актером, бросившим театр и прежнюю жизнь ради того, что окончить семинарию, растет и развивается, в ее глазах он становится мужчиной, к которому ее влечет таинственная сила первой любви, привязанность к нему до болезненности. Правда, Аня уже не умеет жить без служб, молитв, но свет, если уж появляется в ее душе, связан не с Христом, а с отцом Антонием. Его звонки вызывают эйфорию, внутри зажигается свет, чувствует счастье, исчезающее, когда батюшка занят и долго не звонит. Свет Божий превращается в огонь любви земной. Жизнь Ани, которая

окончила университет и начала работать в школе, становится невыносимой – она ожидает звонков отца Антония, не выходит из квартиры, «дежурит» у аппарата... Аня переживает кризис веры, не видит смысла в ежедневных молитвах, службах, исповедях. Несмотря на свое душевное состояние, идет в ближайший храм исповедаться – то ли по привычке, то ли из-за душевной боли – в надежде найти спасение. Незнакомый монах советует ей больше не встречаться с отцом Антонием, не писать писем, а огонек чувства сам погаснет.

Молодая женщина решается послушать умного совета (поняла, что «жизнь жилась для него», (Кучерская, 72), уезжает в Торонто, где поступает в аспирантуру.

Кучерская обходит молчанием канадский период жизни героини. Читатель узнает лишь о том, что Аня на протяжении двух лет пыталась писать отцу Антонию, который не ответил ни на одно ее письмо. Когда она приезжает в Москву, в первую очередь ищет его, в храме ничего не хотят ей сказать, кроме того, что отец Антоний больше здесь не служит. Оказывается, что бывший уже батюшка связался с женщиной – Петрой, которая бросила мужа и родила от него ребенка.

В эпилоге писательница не говорит ничего о духовной жизни Ани. Участвует ли она в службах, продолжает молиться, регулярно исповедуется, словом совершенствует ли она свою веру или бросила этот тяжкий труд и выбрала вариант жизни попроще и полегче? На эти вопросы читатель должен ответить самостоятельно или оставить их открытыми.

Татьяна Колядич, анализируя роман Кучерской, приходит к выводу, что Аня «нашла свою дорогу, она работает над диссертацией, но работа для нее лишь дополнение к вере, которая дает ей настоящее равновесие» (Колядич 2010, 216). Трудно согласиться с этим

выводом, тем более что не знаем, как будет протекать дальнейшая жизнь героини. Несомненно она еще не раз задумается над смыслом своего существования, будет переживать сомнения, попадать в тупик и искать из него выхода. Майя Кучерская считает, что Аня пока еще не пришла к настоящей вере: «Все это – некоторое язычество, в котором так и осталась моя героиня, несмотря на то, что искренне пыталась пойти по пути церкви и веры. Но она так и не пришла к Богу, оставшись на низшей ступени его познания» (*Пока...*).

ЛИТЕРАТУРА:

- Кучерская Майя: *Бог дождя*, mreadz.net/new/index.php?id=588388pages.
- Колядич Татьяна: *От Аксенова до Глуховского. Русский эксперимент. Экстремальный путеводитель по современной русской литературе*. Москва 2010.
- Нефагина Галина: *Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века*. Минск 1998.
- *Пока классики отдыхают...: обзор прозы молодых авторов России*, www.unbi74.ru/lib_pub/Polnote[t/poka_klassiki_otdychayut.pdf.
- Forstner Dorothea: *Świat symboliki chrześcijańskiej*. Przekład i opracowanie Wanda Zakrzewska, Paweł Pachciarek, Ryszard Turzyński. Warszawa 1990.
- Jarco Jan: *Nurt religijno-moralny w prozie radzieckiej lat sześćdziesiątych i siedemdziesiątych*, „Zeszyty Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego” 1982, nr 2-4.
- Łuźny Ryszard: *Biblia w kregu zainteresowań współczesnych pisarzy rosyjskich*, w: *Biblia i literatura*. Lublin 1986.
- Supa Wanda: *O odradzaniu się sacrum chrześcijańskiego w rosyjskiej prozie radzieckiej*, „Acta Polono-Ruthenica II”, Olsztyn 1997.
- Supa Wanda: *Biblia a współczesna proza rosyjska*. Białystok 2006.
- Zielińska Monika Izabella: *Obrzeża i dale leśne. Motywy sylwiczne w prozie rosyjskiej XX wieku*. „Studia Rossica”. Warszawa 2010.
- <http://www.ozon.ru/context/detail/id/285235>.